

АГРАРНЫЙ ВОПРОС В МЕКСИКАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1910—1917 ГОДОВ

Н. Лавров

Аграрный вопрос в Мексике на протяжении всей её истории играл ведущую роль, а на рубеже XIX—XX вв. он стал решающим.

Стоявшие у власти в период диктатуры Порфирио Диаса представители господствующих классов проводили политику привлечения в страну иностранных капиталов. В этом они видели средство экономического развития Мексики. Окружение Диаса, так называемые «учёные» (сьентификос) — представители мексиканских латифундистов и финансовой олигархии, — являлось посредником иностранных капиталистов. Это была своеобразная партия, ставившая перед собой задачу «способствовать проникновению в Мексику крупного иностранного капитала»¹.

В результате проведения такой политики не только не были созданы условия для национального развития страны, но усилилась её зависимость от иностранного капитала. В то же время чрезвычайно осложнился аграрный вопрос и обострились аграрные противоречия, поскольку для проведения политики «колонизации», организации плантаций, постройки железных дорог, закладки шахт иностранным предпринимателям нужны были обширные земельные площади. На основе соответствующих законов, издававшихся на протяжении всего периода диктатуры Диаса (законы 1878, 1883, 1894, 1902, 1909 гг. и др.) * проводилось систематическое расхищение крестьянских земель.

Земля переходила в руки иностранцев, помещиков — асьендадос, земельных спекулянтов. Под видом заброшенных земель (балдиос) захватывались общественные крестьянские земли: леса, луга, эхидос — общинные владения деревень.

В результате аграрных мероприятий Диаса в 1910 г. в двенадцати штатах страны, в её центральной части, совсем не осталось общинных земель. Владения помещиков — асьенды — стали так велики, что, например, поместья Пабло Мседо, одного из лидеров сьентификос, занимали площадь в 6 млн. акров², владения генерала Террасас — 13 миллионов акров³. В штате Идальго железная дорога проходила на протяжении 100 миль по землям, принадлежавшим Хосе Эскандон⁴. В Юкатане после подавления восстания индейцев майя все земли оказались в руках 15 помещиков-асьендадос во главе с губернатором Олегарио Молина. Им принадлежало 15 млн. акров земли⁵.

Но большинство экспроприированных крестьянских земель оказалось в руках иностранных компаний. Так, в штате Нижняя Калифорния четыре иностранных концерна имели в общем 26 070 тыс. акров⁶. Особенно преуспевали американцы. Так, «Sonora Land and Cattle Co» владела 1300 тыс. акрами земли в Соноре. Владения «Palomis

¹ Andres M. Enriquez. Esbozo de la primera diez anos de la Revolucion Agraria. L. 4, p. 125. Mexico. 1934.

* См. Coleccion de Codigos y Lees Teberales Codificacion Agraria Mexico. 1925.

² См. Phipps H. Some aspects of the Agrarian Question, p. 108. Texas. 1925.

³ См. Trowbridge. Mexico to-day and to-morrow, p. 118. New York. 1920.

⁴ См. Retinger. Tierra Mexicana, p. 66. London. 1926.

⁵ См. Parkes. A History of Mexico, p. 296. Boston. 1938.

⁶ См. Trowbridge. Указ. соч., стр. 120.

and Cattl Co» в штатах Чиуауа и Нью-Мексико составили 2 млн. акров. В штате Коауапия компания «Nelson and Willer Co» владела 1650 тыс. акров земли. Только в Чиуауа Херсту принадлежало 250 тыс. акров.

Американцы имели огромные владения и в Центральной Мексике и на юге, где были созданы сахарные, хлопковые и каучуковые плантации. Своих американских соперников стремились опередить английские капиталисты, особенно компании Пирсона и Роял Датч Шелл.

В одном из официальных сообщений этого периода указывалось, что «семнадцать лиц или семей получили 96 млн. акров земли, или 150 тыс. кв. км, около $\frac{1}{5}$ всей территории Мексики, территория большая, чем Эквадор, Финляндия, Ирландия, Италия, Япония, Новая Зеландия, Норвегия, Польша и Румыния»⁷. Все земли сосредоточились в руках 8 тыс. латифундистов — крупнейших иностранных и мексиканских помещиков.

Исследователь аграрного вопроса в Мексике этого периода Мак Брайд на основании статистических данных показал, что к 1910 г. крестьянство страны было фактически обезземелено. Так, в штате Мексико было 99,5% безземельных крестьян, в штате Морелос — 99,5%, в Пуэбла — 99,3%, в Идальго — 98,7%. Таково, говорит Мак Брайд, «типичное положение, существовавшее в стране»⁸.

В результате аграрной политики Диаса число пеонов⁹ выросло до 10 миллионов¹⁰. Обезземеление крестьян было ужасным. Так, в штате Морелос в ряде мест на крестьянский двор приходилось только по одной борозде. В этом же штате земли асьенды Санта Клара начинались в 8 метрах от последней улицы деревни Енакатепек. В некоторых деревнях крестьяне не имели возможности держать даже мелких животных, так как выход на улицу преграждали ворота асьенды.

Усилилась эксплуатация крестьянства. Пеонаж — это характерное явление для аграрной истории Мексики — дополнился новыми чертами.

В период диктатуры Диаса положение пеонов ещё более ухудшилось. При поднявшихся ценах на продукты питания заработная плата пеонов «была на 1400% ниже, чем подённая плата американского фермерского рабочего того же класса и в то же время»¹¹. До самой революции сохранились гнуснейшие феодальные пережитки, вроде права первой ночи.

Над пеоном довели и тяжёлый гнёт асьендадо и власть церкви. Проводившаяся Диасом политика капиталистической «цивилизации» страны сочеталась с усилением этих двух сил. Крестьянство оказалось под двойным гнётом: сохранившимся феодальным и растущим капиталистическим. Политика привлечения в страну иностранных капиталов привела к тому, что миллионные массы трудящегося народа были отданы на разграбление иностранным капиталистам.

Мексиканское крестьянство поднялось на борьбу с захватом своих исконных земель. В последние годы режима Порфирию Диаса в различных частях страны уже действовали крестьянские партизанские отряды. Крестьяне выдвинули лозунг возвращения отнятых земель. Все мысли мексиканских крестьян были о земле. Это общая черта, характерная для

⁷ Carleton Beals. Porfirio Diaz—dictator of Mexico, p. 300—301. Philadelphia London. 1932.

⁸ Mc. Bride. The Land Systems of Mexico, p. 154. New York. 1923.

⁹ Пеоны ведут своё начало ещё со времени испанского завоевания. Много было путей, ведущих к превращению крестьянина в зависимого человека — пеона. Касаясь этого вопроса, Маркс писал: «В некоторых странах, особенно в Мексике... рабство существует в скрытой форме, в виде так называемого «пеонажа». При помощи суд, которые подлежат возвращению обработками, причём обязательно переходят из поколения в поколение, не только отдельный рабочий, но и вся его семья становится фактически собственностью другого лица и его семьи» (К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 161. Партиздат. 1937).

¹⁰ См. Phipps Н. Указ. соч., стр. 157.

¹¹ Simpson Eyler. The Ejido Mexico's way out, p. 38. North California. 1937.

крестьянства вообще. «Крестьяне хотят земли. — писал И. В. Сталин. — они и во сне видят эту землю»¹².

Иностраннный капитал нашёл в Мексике — отсталой стране — благоприятные условия для своего развития. «В этих отсталых странах, — указывал В. И. Ленин, — прибыль обычно высока, ибо капиталов мало, цена земли сравнительно невелика, заработная плата низка, сырые материалы дешёвы»¹³.

Правительство Диаса предоставило иностранцам возможность широкой эксплуатации национальных ресурсов. Позиции иностранного капитала в начале XX в. усилились. Молодой североамериканский империализм стремился вытеснить английский, французский, испанский капиталы и утвердить свои позиции с целью превращения Мексики в зависимую, полуколониальную страну и обеспечения бесконтрольной эксплуатации её богатств и угнетения её народа. «Выжимание сверхприбыли — такова цель этой эксплуатации и этого угнетения», — говорил товарищ Сталин. Иностранные капиталисты не считались с интересами национального развития страны. Они душили ростки национальной промышленности, беспощадно расхищали ресурсы страны. Большая сеть железных дорог, построенных иностранцами, обеспечивала им возможность выкачивать из Мексики нефть, каучук, хлопок, благородные металлы. Развитие национальной буржуазии и формирование её как класса происходило в условиях засилья иностранного капитала. Иностраннный капитал устремился главным образом в горную промышленность, транспорт, средства связи, избегая развивать металлургию и машиностроительную промышленность Мексики. В силу этого Мексика оставалась страной аграрной, экономически отсталой, впадавшей во всё большую зависимость от англо-американского империализма.

К гнёту «своих» эксплуататоров мексиканского народа прибавился гнёт иностранных капиталистов, призванных Диасом и сьентификос «цивилизовать» страну.

Начало XX в. ознаменовалось подъёмом крестьянского движения. Индейцы — яки Соноры, майя Юкатана, крестьяне Морелоса открыто поднялись на борьбу с режимом Диаса. От Дуранго и Чиуауа до далёкого Кинтана Роо крестьяне поднимались на борьбу за землю, оказавшуюся в руках Рокфелдеров, Херстов, Террасас, Эскандон, иностранных и отечественных земельных магнатов.

Нараставшее крестьянское движение угрожало смести ненавистный режим. «В сельском хозяйстве создалось такое положение, что даже железная рука диктатора и сильно действующие методы руралес¹⁴ могли только отсрочить день расплаты»¹⁵.

К этому же времени относятся первые выступления мексиканского пролетариата, положение которого в силу господства в стране иностранного капитала было своеобразным. Наиболее привилегированную часть пролетариата составляли квалифицированные рабочие — американцы и англичане. Затем шла менее квалифицированная часть, состоявшая из иммигрантов — испанцев, португальцев, итальянцев. На долю основной массы пролетариата — мексиканцев — оставался плохо оплачиваемый, неквалифицированный ручной труд. Неоднородность национального состава, разница в экономическом положении различных категорий рабочих, почти полное отсутствие мексиканского промышленного пролетариата — преобладающие среди него закабалённых полукрестьян-полупеонов — объясняют его слабость.

¹² И. Сталин. Соч. Т. 1, стр. 214.

¹³ Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 122.

¹⁴ Сельская полиция, сформированная Диасом для карательных действий против крестьян.

¹⁵ Мс. B. r. i. d. e. Указ. соч., стр. 156.

Такое положение благоприятствовало распространению в среде мексиканского пролетариата мелкобуржуазной идеологии. Но он, хотя и стихийно, становился на путь борьбы. Отзвуки русской революции 1905 г. докатились и до далёкой Мексики. Начался подъём революционной борьбы пролетариев. В 1906 г. рабочие медных рудников Кананеа, в штате Сонора, доведённые до отчаяния, забастовали и потребовали улучшения условий труда. Рудники принадлежали американцам. Пользуясь покровительством правительства Диаса, предприниматели выжимали из рабочих последние соки. Когда же рабочие восстали, стачка была подавлена американским вооружённым населением рудника самым жестоким образом.

В декабре 1906 г. вспыхнули забастовки на текстильных фабриках в Орисаба и Пуэбла. Рабочие Рио Бланко, Санта Роза, Ногалес начали громить фабричные лавки, ломать станки, а затем подожгли здания. Весь 1906 год прошёл под знаком стихийных стачек мексиканского пролетариата. Правительство ответило репрессиями. Современники утверждают, что в одном Рио Бланко было убито 3 тыс. человек¹⁶. Здесь «женщины и дети были заперты в адском загоне; если они пытались избавиться от голодной смерти бегством, они натыкались на солдат, которые их хладнокровно расстреливали»¹⁷. Это подтверждает и Франсиско Мадеро¹⁸.

После событий в Рио Бланко наступила полоса террора. Но революционное движение не прекратилось. В 1908 г. бастовали рабочие Чиуауа, Нижней Калифорнии, Соноры, Тамаулипаса.

Национальная буржуазия и либеральные помещики видели, как нарастающее рабочее и крестьянское движение подрывало устои диктатуры Диаса, и стремились на гребне этого движения достичь своих целей: избавиться от засилья иностранного капитала, убрать олигархию съентификос, установить своё господство, чтобы безраздельно эксплуатировать национальные богатства страны и мексиканский народ.

К национальной буржуазии тесно примкнула та часть помещиков, которая стала переходить к капиталистическим методам ведения хозяйства, обуржуазивалась. Особенно это относится к помещикам Севера, где на обширных территориях велось скотоводческое хозяйство, связанное с рынком США. Именно отсюда вышли буржуазные лидеры революции — Мадеро и Карранса, по происхождению помещики. Они также были недовольны режимом Диаса, диктатурой земельной и финансовой олигархии, превратившейся в послушную агентуру иностранного капитала.

Блок национальной буржуазии и либеральных помещиков выступил под флагом борьбы с диктатурой Диаса. Этот блок всячески рекламировал свою борьбу, как борьбу, ведущуюся якобы во имя настоящей демократии. Либералы, однако, были далеки от подлинной революции. Они не теряли надежды добиться своих целей мирным путём, полагая, что достаточно не избрать Диаса президентом на следующий срок, и всё изменится.

Сам Диас в интервью американскому журналисту Крилмэну в феврале 1908 г. заявил, что Мексика уже готова к демократической форме правления, и высказал пожелание о «появлении оппозиционной партии с подлинно национальной программой»¹⁹. Ловкий маневр Диаса, рассчитанный на ослабление революционного движения, либералы приняли всерьёз.

Выразителем стремлений либералов явился Франсиско Мадеро. Он происходил из богатейшей помещичьей семьи штата Коауила, был старшим в семье и, когда умер отец (апрель 1911 г.), сделался владельцем

¹⁶ См. Teodoro Gaitan. The Mexican Revolution, p. 7. Vancouver. 1914.

¹⁷ Andres M. Enriquez. La Revolucion Agraria, p. 127.

¹⁸ См. Francisco J. Madero. La sucesion presidencial en 1910, p. 218. Mexico. 1911.

¹⁹ Jems Greelman. Diaz master of Mexico, p. 413. London — New York. 1911.

2 млн. акров земли. Но Мадеро был не просто асьендадо: это был помещик-капиталист. Ему принадлежали шахты, фабрики, несколько кожевенных и винно-ликёрных заводов. Мадеро организовал партию «антиреэлексионистов» — противников переизбрания Диаса. В 1909 г. он опубликовал книгу «Президентские выборы в 1910 году». В своей книге Мадеро выдвинул план ликвидации диктатуры Диаса мирным путём. Либералы и Мадеро боялись революции больше, чем диасовской тирании. Мадеро стремился доказать массам ненужность революционной борьбы. Он доказывал, что как только на месте Диаса окажется «хороший» президент, всё изменится к лучшему. Конституционное правительство создается мирным путём, через избирательные урны»²⁰. «Другого пути не должно быть», — писал Мадеро. Он проповедывал бескровную «революцию».

Книга Мадеро получила широкое распространение среди либералов и мелкобуржуазной интеллигенции. Выступление с протестом против диктатуры обусловило популярность Мадеро в оппозиционных кругах.

Между тем революционное движение в стране нарастало. Стремясь предотвратить революционный взрыв, Мадеро направил экземпляр второго издания своей книги Диасу с письмом, в котором просил его устроиться от политической жизни, «дабы спасти родину от опасности, которая ожидает её при продолжении абсолютизма»²¹.

Однако жизнь показала, что ставка либералов на мирный выход из создавшегося революционного кризиса была несостоятельна.

В сентябре 1909 г. Диас начал подавление революционного и демократического движения. Это заставило либералов действовать более решительно. В апреле 1910 г. антиреэлексионисты выдвинули Мадеро кандидатом на пост президента. Он начал свою предвыборную поездку, но был арестован. С помощью влиятельных друзей Мадеро удалось бежать в США. Положение в стране становилось всё более напряжённым. В Чиуауа, Соноре, Синалоа индейцы опять взялись за оружие. В центре страны, в Морелосе, крестьяне уже вели борьбу с помещиками. Даже в далёком Кинтана Роо начались волнения среди индейцев маяя и обречённых на вымирание пеонов. Крестьяне требовали возвращения отнятых земель, уходили в леса, создавали партизанские отряды. Отдельные руководители партизанских отрядов к этому времени получили широкую известность, например Эмилиано Сапата и Франсиско Вилья. Во второй половине 1910 г. крестьянские восстания охватили всю страну.

4 октября было объявлено о переизбрании Диаса президентом. Это известие вызвало в народе волну негодования. Тогда либералы решили действовать. Мадеро выступил с политической программой, известной под названием «План де Сан Луис Потоси», в которой объявил недействительными выборы президента.

Стремясь возглавить народное движение, либералы решили втиснуть революцию в рамки либерального движения. Изображая себя борниками интересов народа, они обещали, кроме свободы, землю крестьянам. Об этом и говорилось в третьей статье Плана, которая гласила, что «справедливость требует вернуть прежним владельцам земли, которые были отняты»²². Таким образом, крестьянам было заявлено, что им будет возвращена отнятая земля.

План призывал народ к оружию. Однако этот призыв сочетался у Мадеро с заявлением, что «можно было бы избежать революции, сделав некоторые уступки народу»²³.

²⁰ Francisco J. Madero. Указ. соч., стр. 217.

²¹ Там же, стр. 376.

²² Plan de San Luis Potosi. Cinco Ciglos de legislacion agraria en Mexico, p. 209. Mexico. 1941.

²³ Там же, стр. 213.

Третья статья Плана не ставила вопроса об уничтожении латифундий, ликвидации пережитков феодализма. О пеонах не было сказано ни слова, хотя их в стране насчитывалось 10 миллионов.

В конце Плана говорилось: «В 6 часов утра 20 ноября все граждане республики должны взять оружие, чтобы покончить с властями, которые управляют в настоящее время»²⁴. Правительство, узнав о сроке восстания, ещё 17 ноября перешло в наступление, но было уже поздно. В штатах Герреро и Коауила, в Морелос и Дуранго, в местах, удалённых на тысячи миль, — везде повстанцы уже громили администрацию Диаса и устанавливали революционную власть.

Создалось два очага борьбы, ставших базой революции: на Юге — с центром в штате Морелос и на Севере — с центром в штатах Чиуауа и Дуранго. Руководителем борьбы крестьян Юга выступил Эмилиано Сапата. Руководителем крестьян Севера явился Франсиско Вилья.

Эмилиано Сапата — самая величественная фигура мексиканской революции. Отец его был бедным ранчеро. Эмилиано рано понял, что такое земля. Он видел, как руралес и войска расправлялись с его односельчанами, отбирая землю. Лишилась земли и семья Сапаты. Он пытался добиться справедливости у властей. Был ходоком по крестьянским делам, потом ушёл в горы и организовал партизанский отряд. К началу революции 1910 г. Сапата проводил уже большие операции в Морелосе. Ещё до появления Плана Мадеро Сапата приступил к разрешению аграрной проблемы по-крестьянски: произвёл раздел земли в трёх деревнях, выгнав асьендадос. Узнав о движении Мадеро, он направил к нему связного²⁵.

Сапата первый начал революционным путём разрешать аграрный вопрос. Борьба мексиканских крестьян за землю была названа его именем. Здесь, в Морелосе, где было 99,5% безземельных крестьян, в этой долине «развитой системы рабства»²⁶ родился сапатизм. Но он не был только местным явлением. Сапатизм как крестьянская борьба за землю был порождением социально-экономических условий, сложившихся в стране. Он вошёл в историю крестьянского движения Мексики как олицетворение стремлений крестьянства революционным путём разрешить аграрный вопрос. Сапата вёл крестьян на вооружённую борьбу против угнетателей под лозунгом «Земля и свобода!»

Рядом с Э. Сапатай стоит другая фигура народного героя Мексики — Франсиско Вилья. Подлинная его фамилия Доротео Аранго, но в историю он вошёл, как Франсиско Вилья или Панчо, как любовно звали его в народе. Многие из раннего периода его жизни остались неясными. Известно только, что Вилья родом из Чиуауа, был пеоном, потом — партизаном и руководителем отряда.

Борьба, организованная Вильей, наводила ужас на латифундистов. Правительство Диаса объявило Вилья вне закона, заочно приговорив его к смертной казни. Задолго до революции имя Вильи стало символом борьбы крестьян севера страны.

В условиях нарастающего крестьянского движения либералы активизировались. Мадеро разъезжал по американским городам, добываясь поддержки деловых и политических кругов США.

К концу своей деятельности Диас, играя на противоречиях между Англией и США, стал отдавать предпочтение английскому капиталу. Тогда капиталисты США стали поддерживать Мадеро. Мадеристские хунты в Нью-Йорке, Лос-Анжелосе, Сан-Антонио, Сан-Франциско закупали оружие и снаряжение для борьбы с Диасом. Главный штаб мадеристов обосновался в Сан-Антонио, на территории США.

²⁴ Plan de San Luis Potosi. Cinco Ciglos de legislacion Agraria en Mexico, p. 213

²⁵ См. Jesus Sotelo Inclan. Raiz y Razon de Zapata, p. 199. Mexico. 1943.

²⁶ Callcott W. Liberalism in Mexico 1857—1929, p. 190. Stamford. Californic. 1931.

11 февраля 1911 г. Сапата начал наступление на столицу Мексики. В этот же день Мадеро с группой друзей перешёл границу у Эль Пасо и вступил на территорию Мексики. К нему тотчас примкнули отряды Вилья и Паскуалья Ороско. Партизанская борьба охватила Сонору, Дуранго, Чиуауа, Морелос, Идальго, Герреро, Юкатан — всю страну.

Армия Сапаты угрожала столице с юга. Диас, видя в ней главную опасность, направил на юг лучшие части своей армии под командованием генерала Викторiano Уэрты.

Но было уже поздно. Вилья и Ороско 10 мая овладели городом Сиудад Хуарес на севере, а Сапата, нанеся поражение правительственным войскам у Куаутля, продолжал наступление. С этого момента началась капитуляция правительственных гарнизонов по всей стране. В Сиудад Хуаресе было сформировано правительство во главе с Мадеро.

Усилившаяся крестьянская борьба угрожала не только порфиристам, но и мадеристам. И съентификос и либералам было ясно, что надо отвлечь внимание крестьянства, чтобы спасти основы классового господства помещиков и капиталистов. 21 мая в городе Сиудад Хуарес Мадеро подписал договор с представителями старого режима Торрибио Обрегоном и Рафаэлем Эрнандесом. «Скороспелый договор, подписанный в Сиудад Хуаресе, прекращал военные действия, воздвигнув перед движущейся вперёд революционной волной стену временного правительства»²⁷. В страхе перед революцией либералы пошли на ликвидацию революционной армии. А между тем в стране происходили митинги и демонстрации с лозунгами: «Долой Диаса!», «Смерть Диасу!» Сапата, не вступая в переговоры с властями Диаса, разгромил 22 мая войска Уэрты и занял Куэрнаваку. Путь на столицу был открыт. Но 23 мая был опубликован договор в Сиудад Хуаресе, по которому военные действия прекращались. Однако народ требовал расправы с Диасом. В ночь на 26 мая старый диктатор бежал из столицы. Провожая Диаса, Уэрта заявил ему: «Если Вы вернётесь, то войска всегда будут в Вашем распоряжении»²⁸. Генерал был прав. Федеральная армия осталась в резерве контрреволюции.

7 июня 1911 г. Мадеро торжественно вступил в столицу. Корреспондент «Таймс» сообщал, что «это была самая величайшая демонстрация, какую знает столица со дня своего основания»²⁹.

Разнёсся слух, что на следующее утро в национальном дворце будут раздавать землю. Тысячи пеонов с утра собрались у резиденции Мадеро в надежде получить землю. Но им было объявлено, что сначала надо восстановить порядок в стране, а потом будут изданы соответствующие законы. Разочарованные, возвращались домой крестьяне, с наивной надеждой пришедшие в столицу за землёй.

В силу договора от 21 мая исполнение обязанностей временного президента было возложено на Франсиско де ля Барра — виднейшего съентифико, бывшего посла Мексики в Вашингтоне. Это был махровый порфирист, тесно связанный с клерикалами. Он-то и начал дело «умиротворения» страны. Карранса, как военный министр, издал декрет о роспуске революционных отрядов, которые, как говорилось в декрете, были «теперь уже не нужны»³⁰.

В ряде штатов партизанские отряды отказались сдать оружие, и правительство применило против них вооружённую силу. В Пуэбла генерал Бланкет — порфирист и сторонник реставрации — расстреливал

²⁷ Edmundo Gonzales Blanco. Carranza y la Revolucion de Mexico, p. 33. Valencia. 1914.

²⁸ Carleton Beals. Указ. соч., стр. 450.

²⁹ «Times» № 3-а 606 от 8 июня 1911 года.

³⁰ Edmundo Gonzales Blanco. Указ. соч., стр. 34.

партизан. Викторiano Уэрта продолжал проводить карательные операции против Сапаты.

В октябре Мадеро был избран президентом. Сапата на свидании с Мадеро в Куаутле потребовал от него выполнения «Плана Сан Луис» и отвода войск Уэрты из Морелоса. Мадеро заявил, что земельная проблема чрезвычайно сложна и нужно время для её изучения. Немедленные действия невозможны³¹. В то же время он потребовал роспуска партизанских отрядов, на что Сапата ответил отказом.

Время шло, а никаких мер к разрешению аграрной проблемы не принималось. Всё оставалось так же, как было при Диасе. Министром земледелия был назначен кузен Мадеро Рафаэль Эрнандес, «поверенный в делах съентификос и сам съентифико», — бывший эмиссар Диаса в Сиудад Хуаресе³².

Вместо разрешения аграрного вопроса принимались меры к тому, чтобы покончить с сапатизмом. В ноябре Уэрта по приказу Мадеро снова атаковал позиции Сапаты. Но покончить с сапатизмом было невозможно: сила его была в стремлении крестьян получить землю, сбросить иго помещиков. 28 ноября Эмилиано Сапата провозгласил свою революционную программу — «План де Айяла». План начинался подтверждением верности революционным принципам во имя стремления «покончить с тиранией и освободить родину от всякого рода диктатур». В нём констатировалось, что «сеньор Франсиско Мадеро не привёл революцию, которая была так славно начата, к счастливому концу, оставив у власти разложившиеся элементы диктаторского правительства Порфирио Диаса»³³. Отметив отказ Мадеро выполнить «План Сан Луис», Сапата заявлял, что «сеньор Мадеро много раз пытался прикрыть свою измену и грубой силой штыков утопить в крови деревни, называя их бандитскими, мятежными только за то, что они просили его выполнить свои обещания, данные революцией»³⁴. Мадеро, говорилось дальше, не признаётся больше вождём революции, так же как и президентом республики. Четвёртая статья Плана объявляла, что «революционный Совет штата Морелос признаёт своим «План Луис Потоси»³⁵.

Признание «Плана Сан Луис» означало, что сапатисты принимают его аграрную часть. Но этим «План де Айяла» не ограничился: он выдвинул невиданную до сих пор аграрную программу, которая оказала огромное влияние на весь ход революции. Шестая статья Плана гласила: «Все земли, леса и воды, которые были узурпированы асьендадос, съентификос или касиками при поддержке тирании и продажной юстиции, переходят во владение тех селений или граждан, которые имеют соответствующие документы на эту собственность, которой они лишились вследствие грабежа и злой воли угнетателей. Любой ценой, с оружием в руках они должны защищать свои владения, а узурпаторы должны предстать перед специальными трибуналами, которые будут созданы, когда победит революция». В следующей статье говорилось, что «громадное большинство селений и мексиканских граждан лишится земли; в целях улучшения положения мексиканцев, лишённых благополучия, будут экспропрированы латифундии, с возмещением третьей части их стоимости». В статье восьмой объявлялось: «У помещиков, съентификос или касиков, которые будут сопротивляться прямо или косвенно проведению в жизнь настоящего Плана, будут национализированы все владения, две трети которых пойдёт на возмещение убытков войны, на пенсию для вдов и сирот жертв, которые падут в борьбе за этот План»³⁶.

³¹ См. Таппенбаум F. The Mexican Agrarian Revolution, p. 161.

³² См. Phipps Н. Указ. соч., стр. 133.

³³ Plan de'Avala. Cinco Siglos Legislacion Agraria, p. 214.

³⁴ Там же, стр. 215.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, стр. 216.

Такова аграрная программа Сапаты. Ничего подобного ещё не знала Мексика. Разумеется, в ней были свои слабые стороны. Сапате и его помощникам, руководителям партизанской борьбы, легче было владеть оружием, чем пером, легче было быть солдатами, чем юристами. Около Сапаты было много интеллигентов-попутчиков. Они-то и внесли в документ ряд положений, не отвечавших интересам крестьянства. Так, экспроприация сочеталась с возмещением третьей части стоимости экспроприированного. В шестой статье говорилось о возвращении земель тем, кто имеет соответствующие документы, хотя известно, что в подавляющем большинстве случаев крестьяне их не имели.

Однако сила «Плана де Айяла» как революционной программы крестьянского движения сказалась в главных требованиях: возвращении крестьянам отнятых у них земель; экспроприации латифундий; национализации всей собственности врагов революции.

Эти требования были выражением стремления революционно решить главный вопрос мексиканской революции — ликвидации латифундизма, латифундий и всего, что было с ними связано, — уничтожения пережитков средневековья. Сила «Плана де Айяла» заключалась также в признании вооружённой борьбы как основного и решающего способа борьбы за землю, которую крестьяне должны получить и защищать «какой бы то ни было ценой, с оружием в руках»³⁷.

Жизненность этих положений, легших в основу развернувшейся аграрной революции, подтвердилась ходом самой революции.

Весть о Плане Сапаты разнеслась по стране. Во имя осуществления поставленных целей народ призывался «поддерживать этот План с оружием в руках»³⁸. Распространителями его являлись сами крестьяне. Католическая газета «Эль Паис» 20 января 1912 г. писала, что «революционные агитаторы ходят от села к селу, рекрутируя повстанцев, распространяя идеи сапатизма»³⁹. Редактор журнала «Возрождение» Оуэн писал, что аграрный вопрос «определил характер всех революционных движений сапатистов, индейцев яки, и вы не найдёте места на территории Мексики, где бы не чувствовалось его влияние»⁴⁰.

Для борьбы с сапатистами объединились все силы помещичьего лагеря — от порфиристов до мадеристов. В мексиканском парламенте лидеры реакции — предводитель клерикалов Де ля Барра и сьентифико Торибьо Обрегон — требовали разгрома «бандитов Аттилы Юга» — армии Сапаты. Мадеро отправил карательные войска против сапатистов как нарушителей «законности». Газеты были полны описаний «ужасов», якобы чинимых сапатистами. Эта кампания клеветы вызывала возмущение у людей, хорошо знавших сапатистов⁴¹.

Ужасы творили сами федералистские войска, стремившиеся к разгрому крестьянского движения. Однако вооружённым путём нельзя было победить сапатистов. Крестьянские отряды Сапаты хорошо знали, за что они воюют, и ожесточённо боролись с карательными войсками, угрожавшими их хижинам и несшими на своих штыках помещичью кабалу.

Сапатизм ширился. Борясь за «План де Айяла», крестьяне сбрасывали иго латифундистов, не останавливаясь перед захватом их владений, ибо «крестьянину нужна земля, и его революционное чувство, его инстинктивный, первобытный демократизм не может выразиться иначе, как в наложении руки на помещичью землю»⁴².

³⁷ Plan de Ayala. Cinco Siglos Legislacion Agraria, p. 216.

³⁸ Там же.

³⁹ Owen W. The Mexican Revolution, p. 5. Los Angeles. 1912.

⁴⁰ Там же, стр. 4.

⁴¹ Так, Роза Кинг, бывшая хозяйка отеля «Белья Виста» в Куэрнавাকে, отмечает в своих мемуарах: «Я до сих пор не могу поверить тому, что писали газеты о сапатистах» (King R. Tempest over Mexico. Personal Cronicle, p. 76. London. 1936).

⁴² Ленин. Соч. Т. VII, стр. 171.

Под давлением крестьянского движения Мадеро был вынужден назначить аграрную комиссию для учёта земель, потерянных деревнями при Диасе. Деятельность этой комиссии саботировалась как министерством земледелия, которое и не думало возвращать крестьянам земли, так и помещиками. В Соноре и Чиуауа против действий членов аграрной комиссии выступили помещичьи кланы Крилей и Террасас. В Коауиле такую же позицию заняли многочисленные родственники самого Мадеро.

В апреле комиссия, возглавлявшаяся Луисом Кабрерой — лидером левого крыла либералов, — представила проект возвращения деревням общинных земель. Министерство земледелия положило проект комиссии под сукно. Министр земледелия Эрнандес в циркуляре заверил асьендадос, что их права «будут ограждены»⁴³.

Положение усложнялось. Мадеристы, напуганные размахом крестьянского движения, сдавали реакции одну позицию за другой. Порфиристская реакция стремилась использовать ослабление позиции мадеристов для их свержения. То и дело вспыхивали мятежи контрреволюционных генералов. Весною 1912 г. бывшие соратники Мадеро — Васкес Гомес и Паскуаль Ороско — подняли восстание. Своё выступление они мотивировали отказом Мадеро выполнить свои обещания. Но факт поддержки этого мятежа латифундистом Террасас, его зятем Крилем и де ля Баррой говорил за то, что это контрреволюция готовила реставрацию.

Мятеж Ороско был поддержан и американскими капиталистами, считавшими, что мадеристы не оправдали их надежд, и не желавшими допустить стабилизации нового режима в Мексике. Мадеристы не поощряли привлечение в страну иностранных капиталов, а во взаимоотношениях с американскими и английскими капиталистами придерживались принципа «равновесия». Всё это привело к тому, что правительство Тафта и империалисты США заняли враждебную позицию по отношению к правительству Мадеро. Посол США Генри Лэйн Вильсон принял непосредственное участие в организации и поддержке мятежа Ороско⁴⁴. Он установил также связь с руководителями помещичье-клерикальной реакции де ля Баррой и Горибио Обрегеном, готовившими заговор против правительства Мадеро*.

Наиболее дальновидная часть либералов — их радикальное крыло — понимала, что мадеристов может спасти только поддержка крестьянства. Лидеры этого крыла Андрес Молина Энрикес и Луис Кабрера начали кампанию за выполнение обещаний, данных Мадеро в «Плане Сан Луис».

Защищаясь от обвинений в нарушении обещаний, данных крестьянам в этом Плане, Мадеро направил письмо в редакцию газеты «Импарсиал», в котором писал, что его неосновательно упрекают в сохранении латифундий, в отказе от их раздела, так как таких обещаний он не давал. «Я всегда стоял за создание мелкой земельной собственности, — писал Мадеро, — но этим я не хочу сказать, что нужно пойти и отнять у землевладельцев их собственность. Одно дело — создание мелкой собственности посредством постепенных усилий и другое дело — раздел крупных имений, то, о чём я никогда не думал и чего не обещал ни в одной из своих речей, ни в прокламациях»⁴⁵.

⁴³ Phipps Н. Указ. соч., стр. 133.

⁴⁴ Поскольку американцы сражались в отрядах Ороско, Вилья, воевавший против этого агента империалистов США, публично объявил, что он будет расстреливать американцев из отрядов Ороско без суда. В связи с этим посол Вильсон заявил протест и потребовал ареста Вилья. См. ноту от 15 апреля 1912 года (Papers relating to the foreign Relations of the United State, p. 795. 1912).

⁴⁵ Andres Molina Enriquez. Указ соч., стр. 167—168.

* Didapp Pedro. Los Estados unidos y Nuestros Conflictos Interiores, p. 54. Mexico. 1913.

Таков было конец политической эволюции мадеризма. Идя на борьбу с диктатурой Диаса во имя установления своего господства, мадеристы пошли на обещание передачи крестьянам отнятых земель. Придя же к власти, они начали проводить политику «умиротворения» страны, подавления крестьянской борьбы во имя сохранения земель в руках прежних хозяев.

Более последовательно отстаивало буржуазные задачи революции незначительное по своему составу радикальное крыло мадеристов. Лидер этого крыла Луис Кабрера 3 декабря 1912 г. выступил в конгрессе с большой речью, в которой, основываясь на документах и фактах, показал, что с приходом к власти мадеристов в социально-экономической жизни мексиканской деревни всё осталось по-старому. До сих пор, говорил Кабрера, действуют законы Диаса о том, что «все общинные земли являются составной частью асьенд»⁴⁶. Кабрера подверг резкой критике политику правительства и линию министерства земледелия в аграрном вопросе. Он потребовал немедленного возвращения деревням эхидос, их общинных земель. Однако чем мотивировал Кабрера необходимость проведения реформы? Стремлением предупредить развитие революции. «При продолжении существующих условий, — заявил Кабрера, — крестьяне возьмутся за оружие и уйдут к сапатистам, чем увеличат и усилят их ряды»⁴⁷. Таким образом, Кабрера доказывал либералам необходимость захвата инициативы решения аграрного вопроса в свои руки для борьбы с крестьянской революцией.

Кабрера внёс проект аграрного закона, в первой статье которого объявлялось «общественно-полезным делом восстановление эхидос и наделение землёй деревень в национальном масштабе»⁴⁸.

Требование проведения аграрных реформ и передачи крестьянам общинных земель вызвало obstruction большинства конгресса. Проект закона был провален. Латифундисты перешли в наступление и потребовали прекращения каких бы то ни было аграрных мероприятий. Выступивший в защиту латифундизма Торибио Обрегон заявил: «Положение серьёзное. На юге республики уже делят земли»⁴⁹. «Растущая опасность, — говорил Торибио Обрегон, — угрожает самому главному. Речь идёт о частной собственности, как основе, на которой веками зиждется мексиканское общество». Обрегон откровенно заявлял: «Интересы привилегированных классов будут защищены огнём и мечом»⁵⁰, — и доказывал, что бесполезно давать землю крестьянам, так как они «не имеют средств для обезвреживания хозяйством, и через некоторое время участки окажутся в самом заброшенном состоянии»⁵¹.

Ничего не изменилось с приходом Мадеро и в положении мексиканского пролетариата, который сыграл большую роль в разгроме диктатуры Диаса. Организованной борьбы с правительством пролетариат не вёл, ибо не было у него партии, которая направила бы эту борьбу.

Самостоятельные действия сознательных рабочих были скованы анархо-синдикалистской организацией «Дом рабочих мира». Руководители этой организации отрицали всякую политическую борьбу, тормозили классовую борьбу мексиканского пролетариата. Однако, не получив от мадеристов облегчения своего тяжёлого положения, рабочие были враждебно настроены по отношению к правительству Мадеро. Таким образом, не выполнив своих обещаний и изменив им, мадеристы лишились поддержки народа.

В такой обстановке реакция готовила заговор. В подготовке заговора приняли участие де ля Барра, Торибио Обрегон, племянник сверг-

⁴⁶ Discurso del Luis Cabrera. Cinco Siglos de Legislacion Agraria, p. 226.

⁴⁷ Там же, стр. 235.

⁴⁸ Proyecto de ley agrario del diputado L. Cabrera. Cinco Siglos, p. 242.

⁴⁹ T o r i b i o E. O b r e g o n. El Problema Agraria en Mexico, p. 11. Mexico. 1912.

⁵⁰ Там же, стр. 5.

⁵¹ Там же, стр. 25.

нутого диктатора Феликс Диас и группа старых диасовских генералов возглавленная Викториано Уэртой. «Во всей длительной и трагической истории мексиканской революции не было более зловещей фигуры, чем Викториано Уэрта»⁵².

За спиной мексиканских реакционеров стоял империализм США. Правительство Тафта и его хозяева — американские монополии — стремились не допустить образования в Мексике сильного правительства и поставить у власти наиболее реакционные, антинациональные, продажные слои господствующих классов Мексики.

Главной пружиной заговора являлся посол США Генри Лэйн Вильсон. Он держал связь с Уэртой и исподволь организовывал империалистическую интервенцию США в мексиканские дела.

Когда 9 февраля 1913 г. начался мятеж, американское посольство стало штаб-квартирой мятежников. Генри Л. Вильсон вёл переговоры с Ф. Диасом и Уэртой через военного атташе США капитана Борнсайда. 16 февраля Борнсайд посетил Ф. Диаса. В этот же день он виделся с генералом Уэртой⁵³. Затем Генри Вильсон «решил пригласить генерала Уэрту и Диаса в посольство»⁵⁴. Свидание состоялось ночью 18 февраля. Было решено, что генерал Уэрта будет временным президентом⁵⁵. Здесь же был сформирован кабинет. Днём 18 февраля Мадеро был арестован и вскоре убит.

Контрреволюция восторжествовала.

Убийством Мадеро открылся желанный для мексиканской реакции и иностранных капиталистов период господства «железной» руки «сильного» человека, каким должен был явиться Уэрта. Всё его прошлое, борьба против революции и особенно против Сапаты и Вильи, сулило реакции надежды на возврат к диасовским временам.

В состав кабинета Уэрты вошли Франсиско де ля Барра и Торрибио Обрегон — представители латифундистов и клерикалов. Расточая комплименты ставленникам империализма США, Генри Л. Вильсон, характеризуя это правительство, подчёркивал, что «не было другого мексиканского кабинета, который бы состоял из людей таких исключительных способностей и таких сильных натур, как это имело место в кабинете генерала Уэрты»⁵⁶. Жизнь скоро показала, что переворот Уэрты не ознаменует поражения революции. Она «зашла слишком далеко, чтобы её мог остановить новоявленный диктатор»⁵⁷. В письме к генералу Уэрте Эмилиано Сапата твёрдо заявил, что «революция не закончена и что Уэрта не является её представителем»⁵⁸.

Пришедшая к власти помещичья реакция прилагала все усилия к тому, чтобы сохранить латифундии. В конгрессе Торрибио Обрегон доказывал, что крестьянам незачем давать землю, что они «не хотят земли»⁵⁹. Правительство стремилось подавить крестьянское движение вооружённым путём. Новое расхищение крестьянских земель напомидало диасовские времена. Наступил период «коргий земельного грабежа»⁶⁰.

В ответ на наступление помещиков крестьяне усилили борьбу за землю. В апреле 1913 г. Франсиско Вилья начал операции против уэртистских войск. Не имея своей политической программы и руководству-

⁵² Parkes H. Bamford. A History of Mexico, p. 332.

⁵³ См. Investigation of Mexican affairs. Vol. II, p. 2262.

⁵⁴ Henry L. Wilson. Diplomatic Episodes, p. 279.

⁵⁵ См. там же, стр. 281.

⁵⁶ Там же, стр. 295.

⁵⁷ Euler Simpson. Указ. соч., libro 4, p. 132.

⁵⁸ Enriquez M. Andres. Указ. соч. Кн. 4-я, стр. 132.

⁵⁹ Puig Casauranc. La Cosecha y la siembra, p. 16.

⁶⁰ Phipps H. Указ. соч., стр. 144.

жсь стихийной крестьянской жадной земли и ненавистью к помещикам, отряды Вильи захватывали латифундии и сурово расправлялись с врагами революции. Сапата с юга, Вилья с севера наносили всё нарастающие удары по уэртистским войскам. Эти удары, сопровождаемые революционным разрешением аграрного вопроса, сливались в единое революционное движение, грозившее смести не только уэртистское правительство, но и покончить с латифундизмом. Земли, захваченные у помещиков, передавались крестьянам.

Однако движению нужен был вождь, а пролетариат Мексики не в состоянии был его возглавить. Одерживая победу за победой, крестьянство, не имея ясной перспективы борьбы, не могло закрепить свои победы политически. Это дало возможность либералам ещё раз использовать революцию в своих целях.

Мощный революционный подъём крестьянского движения показал либералам, что они при помощи его могут добиться поражения возникшего реакционного блока помещичье-клерикальных кругов и иностранных капиталистов. Знамя «конституционной революции» поднял бывший сподвижник Мадеро, губернатор Коауила, Венустиано Карранса. Венустиано Карранса при Диасе был сенатором. В движении Мадеро он представлял ту группу помещиков Севера, которая активно торговала с США. Карранса пошёл на борьбу с Уэртой, так как фигура последнего была слишком одиозна, за ней стояла самая чёрная реакция, поддерживаемая иностранным капиталом. Борьбу с Уэртой он ограничил узкими рамками конституционной борьбы.

27 марта он опубликовал свою программу — «План де Гвадалупе». Отметив, что Уэрта «совершил злодейское преступление» против правительства Мадеро, Карранса объявил незаконной администрацию генерала Уэрты⁶¹. 24 апреля Карранса объявил себя первым вождём революции⁶².

Силы Уэрты начали слабеть. Его ещё поддерживал Генри Л. Вильсон. Но в марте, когда истекли полномочия президента США Тафта и когда в исполнение обязанностей президента вступил Вильсон, правительство США отказалось признать правительство Уэрты, и посол Генри Л. Вильсон был отозван из Мексики.

Народная борьба ширилась. Настал час возмездия для тех, «кто лишал индейцев их земель, массами высылал сопротивлявшихся индейцев яки в смертоносные районы Кинтана Роо»⁶³.

Армия Вильи, являвшаяся армией аграрной революции, сметала феодальные пережитки, власть помещиков и церкви. Но Вилья не имел ясного представления о путях преобразования страны. Он инстинктивно понимал, что нужно уничтожать помещиков и завоёвывать землю. Конфискованные земли он раздавал пеонам. К осени 1913 г. весь Север страны был очищен его войсками от федеральных войск. В то же время Сапата проводил в жизнь «План де Айяла». В условиях этого всенародного восстания против Викторiano Уэрты претворялся в жизнь лозунг «Земля народу».

Растущей слабостью Уэрты решили воспользоваться американцы, чтобы сбросить его, как проводника английских интересов. В кругах империалистов США усиливались интервенционистские настроения. Правительство Вильсона решило удушить мексиканскую революцию и выступило прямым палачом и кровавым агрессором по отношению к мексиканскому народу. В апреле 1914 г. американцы, придравшись к столкновению американских матросов с патрулем уэртистских войск, высадили десант в Веракрус, идя по стопам Диаса.

⁶¹ См. Plan de Guadalupe. Cinco Siglos, p. 244.

⁶² Decreto de Primer Jefe sobre desconoce de los tres Poderes del gobierno del Grul V. Huerta, p. 245. Cinco Siglos.

⁶³ Gonzales Blanco. Указ. соч., стр. 71.

Карранса занял твёрдую позицию против противодействия американскому вмешательству. Он потребовал прекращения интервенции и предложил обратиться к нему, как главе конституционного правительства Мексики, в то же время заверив США, что их претензии «будут рассмотрены в духе самой высокой справедливости и согласия»⁶⁴.

Карранса, возражая против вмешательства США во внутренние дела Мексики, не принял предложение Аргентины, Бразилии, Чили о посредничестве, в то время как не искушённые в политике Вилья и Сапата не возражали против посредничества.

Эта антиимпериалистическая позиция Каррансы способствовала укреплению его авторитета. Но исход борьбы решил народ. Он дал отпор американским интервентам. Он же разгромил контрреволюцию.

Судьба Уэрты была решена. 15 июля 1914 г. он сложил с себя полномочия. Вожди крестьянской революции Сапата и Вилья потребовали от Каррансы заявления о его позиции по отношению к аграрному вопросу. 19 июля 1914 г. Сапата опубликовал «Акт о ратификации плана де Айяла», в котором говорилось, что «в момент, когда победило дело народа, необходимо подтвердить принципы, которые составляют душу революции и провозгласить их ещё раз перед нацией, дабы все мексиканцы знали цели своих братьев, восставших с оружием в руках»⁶⁵. Не может быть, говорилось в документе, чтобы жертвы, принесённые во имя революции в горах Юга и просторах Севера, были использованы «узкой группой политиков, жаждущих власти»⁶⁶. «Акт о ратификации...» подтвердил все статьи «Плана де Айяла» и объявлял, что революция должна «установить правительство, составленное из лиц, верных «Плану де Айяла», которое проведёт аграрные реформы и осуществит другие принципы и положения «Плана де Айяла»⁶⁷.

Это встревожило либералов. 27 августа в Куэрнаваку — в ставку Сапаты — прибыли представители Каррансы: Луис Кабрера и Антонио Вильяреаль.

Платформой делегации Сапаты при переговорах служил «План де Айяла». Представителем Каррансы было предложено принять этот План «без каких-либо изменений»⁶⁸.

Кабрера и Вильяреаль писали Каррансе: «В штате Морелос и других районах, контролируемых сапатизмом, аграрный вопрос уже разрешён, т. е. узурпированные земли уже возвращены, земли переделены, собственность врагов конфискована и единственное, что осталось, — это узаконить проделанное»⁶⁹.

Сапата предлагал распространить опыт Морелоса и штатов Центральной Мексики на всю страну. Делегация Сапаты предложила проект соглашения, по которому Карранса должен был отказаться от своих полномочий или признать верховенство Сапаты.

5 сентября Карранса ответил, что он не может подчиниться генералу Сапате и признать «План де Айяла»⁷⁰.

Вилья, следивший за ходом переговоров, после ответа Каррансы заявил о согласии с программой Сапаты и объявил войну Каррансе.

Вилья и Сапата, мечтавшие о «хорошем» президенте, добились созыва Национального собрания. В нём приняли участие левая часть либералов, мелкобуржуазные элементы и те слои помещиков и буржуазии, которые, стремясь использовать слабость Вилья и Сапаты, их преклонение перед «законностью» буржуазной демократии, не прочь были ограничить демократию властью «хорошего» президента.

⁶⁴ Gonzales Blanco. Указ. соч., стр. 204.

⁶⁵ Acta de Ratification del Plan de Ayala, p. 251.

⁶⁶ Там же, стр. 251.

⁶⁷ Там же, стр. 253.

⁶⁸ Informe rendido por L. Cabrera y A. Villareal, p. 247. Cinco Siglos.

⁶⁹ Там же, стр. 249.

⁷⁰ Respuesto del Primer Jefe, p. 250. Cinco Siglos.

В ноябре в Агваскальентес собралось Национальное собрание, которое назначило временным президентом Эулалио Гутьеррес, личность довольно бесцветную. Карранса, отказавшись от участия в работах собрания, обосновался в Пуэбла. После эвакуации американцев он переехал в Веракрус, а Вилья и Сапата вошли в столицу как победители. Свыше восьмидесяти тысяч вильистов и сапатистов — «самый цвет нашего народа, — писал проф. Энрикес Андрес, — проходил по улицам города, демонстрируя аграрные силы революции»⁷¹.

Овладев столицей, Вилья и Сапата продолжали возлагать надежды на «законность» и ждали, когда Гутьеррес издаст декрет об аграрной реформе. У ворот столицы стояли войска Каррансы, отрезавшие подвоз продовольствия. Солдаты победоносных революционных армий голодали и нищенствовали.

В январе 1915 г. Гутьеррес перебежал к Каррансе. Тем не менее ни Вилья, ни Сапата не решились сами возглавить власть в стране. Здесь сказалась ограниченность всего крестьянского движения, его неспособность добиться осуществления своих идеалов без руководства со стороны революционного класса — пролетариата.

Стремясь воспользоваться затруднительным положением крестьянских вождей, Карранса решил захватить инициативу разрешения аграрного вопроса в свои руки, дабы привлечь на свою сторону крестьянство. Уже в декабре 1914 г. он опубликовал «План де Веракрус», в котором объявлялось, что он, как глава исполнительной власти (Карранса не признавал решений собрания в Агваскальентес. — *Н. Л.*), издаст «аграрные законы, благоприятствующие созданию мелкой собственности, будут разделены латифундии и возвращены деревням земли, которые были несправедливо присвоены»⁷².

Карранса решил выбить оружие из рук Вилья и Сапаты. 6 января 1915 г. он издал аграрный закон, в котором лишение крестьян земли признавалось незаконным и было обещано вернуть её. Карранса вселял в крестьян уверенность, что теперь их претензии будут «законно» рассмотрены. Тёмным крестьянским массам внушалась иллюзия законности, которой на самом деле не могло быть при господстве помещиков и буржуазии. Закон 6 января пропагандировался каррансистскими «генералами». Эта пропаганда имела целью дезориентировать крестьян, вырвать их из-под влияния Сапаты и Вилья, чтобы потом задушить само крестьянское движение.

Сложная процедура разбора ходатайств с многочисленными инстанциями, утверждениями и переутверждениями обеспечивала длительную, многолетнюю волокиту. В законе имелись положения, гарантировавшие помещиков от потери земли, так как всегда можно было доказать, что «отчуждение земель, принадлежавших деревням, было произведено согласно закону»⁷³ — как говорилось в преамбуле закона. Там же указывалось, что восстановление общинных земель эхидос может быть отклонено и «по какой-нибудь другой причине»⁷⁴. В статье 7 говорилось, что власти должны определить «справедливость требования возвращения земель», причём даже положительное решение, согласно статье 8, должно было носить условный характер: это решение могло быть отменено или утверждено главой государства. Кроме того статья 10 закона устанавливала право лиц, не согласных «с решением главы государства,

⁷¹ Enriquez M. Andres. Указ. соч. Кн. 5-я, стр. 148.

⁷² Plan de Veracruz, p. 255. Cinco Siglos.

⁷³ Decreto de 6 de enero de 1915, p. 270. Cinco Siglos.

⁷⁴ Там же, стр. 271

обжаловать это решение перед судом»⁷⁵. Если учесть характер судов, призванных охранять интересы имущих классов, то возможность получения земель деревнями и крестьянами сводилась на-нет.

В законе от 6 января говорилось об экспроприации земли для наделения ею деревень. Эта экспроприация ничего общего не имела с экспроприацией Сапаты и конфискацией Вилья. Речь шла о выкупе земель государством. Закон не предполагал подрыва корней помещичьего землевладения. Во-первых, предполагалось использовать большие земельные фонды бывших порфиристов, уэргистов и других сторонников свергнутых режимов. Во-вторых, закон устанавливал за «обиженным» помещиком право ходатайствовать о возмещении, которое должно быть выплачено⁷⁶. Несмотря на явно благоприятный для помещиков смысл этого закона, неграмотная крестьянская масса, плохо разбиравшаяся в законах, не могла на первых порах разглядеть его сущности. Крестьяне видели, что этот закон обращён к ним от имени революции, и, успокаиваясь, начали отходить от борьбы. Вилья и Сапата покинули столицу, боясь оказаться отрезанными от своих опорных районов.

Карранса поставил своей задачей перетянуть на свою сторону и мексиканский пролетариат. Через свою агентуру в руководстве анархо-синдикалистского «Дома рабочих мира» посредством подкупов, демагогии и обмана пролетариата столицы словом «революция» Карранса доказывал справедливость конституционализма. 17 февраля в Веракрусе был заключён пакт о сотрудничестве в борьбе против реакции между анархо-синдикалистами и Каррансой. В пакте говорилось, что «Дом рабочих мира» и конституционалистское правительство Каррансы приложат совместные усилия для спасения революции⁷⁷.

Из рабочих формировались специальные части, получавшие наименование «красных»⁷⁸. «Красным» отрядам не пришлось сражаться с реакцией. Карранса приказал двинуть эти части в районы действий крестьянских армий. «Красные» сражались с армией Вилья на Севере и Сапаты — на Юге. Когда Вилья ушёл к границам США, а Сапата стянул свои силы к Морелосу, помощь «красных» Каррансе была уже не нужна, и они были расформированы.

16 апреля 1915 г. Вилья впервые в своей жизни потерпел поражение, после которого уже не мог оправиться. Эмилиано Сапата был блокирован в горах Морелоса. Это было поражением сил аграрной революции, поражением революционного пути разрешения аграрного вопроса на севере страны, победой контрреволюции. «Асьенды были спасены»⁷⁹. Теперь, когда крестьянское движение в своей основе было подавлено, Карранса начал расправляться с движением рабочих, против которых он применил пулемёты⁸⁰. Летом 1916 г. Карранса издал декрет, каравший смертной казнью за участие в забастовках⁸¹.

В 1916 г. страна оказалась в тяжёлом положении. Гражданская война усугублялась враждебной позицией американского империализма. Несмотря на то, что правительство Каррансы было быстро признано всеми латино-американскими странами, а также Англией, Францией, Италией, Россией, Японией, Германией, Австро-Венгрией, США не переставали готовить интервенцию в Мексику. Они стремились не только спасти свои миллиардные вложения, но и превратить Мексику в колонию. Нужен был повод для интервенции. Этим поводом послужил «инцидент Колумбус».

⁷⁵ Decreto de 6 de enero de 1915, p. 271.

⁷⁶ Там же, стр. 274.

⁷⁷ Salazar y Escobedo. Las Pugnas de la Gleba, p. 101.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Enriquez M. Andres. Указ. соч. Кн. 5-я, стр. 157.

⁸⁰ См. Clodoveo Valenzuela. Sonora y Carranza, p. 358. Mexico. 1921.

⁸¹ Investigation of Mexican Affairs. Vol. II, p. 2839.

В марте 1916 г. Вилья, преследуемый каррансистскими войсками, вынужден был перейти границу США. В районе местечка Колумбус произошло столкновение отряда Вильи с американскими пограничниками. Придравшись к этому случаю, американские империалисты начали интервенцию. Правительство Вильсона снова показало себя злым врагом мексиканского народа и верным слугой американских монополий, жаждавших вернуть Мексику в полуколониальное рабство.

Вилья оказал героическое сопротивление вторгшимся интервентам. Он опубликовал «Манифест к нации», в котором писал: «Родина переживает тяжёлый момент, когда необходимо отразить нападение интервентов Севера»⁸². Разоблачая империалистическую роль США, Вилья поставил задачу избавления страны от империалистического засилья. Он предложил конфисковать всю собственность иностранцев в пользу нации⁸³. Вилья выдвинул программу демократизации страны и достижения национальной независимости. Но эта программа не была осуществлена. Появилась она в момент спада революционной волны, когда либералам уже удалось овладеть положением.

Опираясь на национальный подъём в стране, Карранса потребовал вывода американских войск.

Антиимпериалистический подъём в Мексике показал американским интервентам, что мексиканский народ готов решительно бороться за национальную независимость.

Готовясь к вступлению в мировую войну, США не пошли на войну с Мексикой. В январе 1917 г. американские войска стали эвакуироваться. В феврале в столицу Мексики прибыл посол США.

Теперь каррансисты приняли меры к тому, чтобы закрепить свою победу. Издав закон 6 января, они мало заботились о проведении его в жизнь. Всё делалось, чтобы затянуть процесс возвращения земель.

В декабре 1916 г. в Керетаро собралось Учредительное собрание. Оно должно было как бы подвести итоги революции, принять новую конституцию.

Основные споры разгорелись вокруг аграрного вопроса. Споры эти отражали ожесточённую борьбу, продолжавшуюся в стране, — Сапата ещё держался в Морелосе. Вилья партизанил на севере. В Учредительном собрании было два основных лагеря: один лагерь — крупных помещиков и связанной с землевладением буржуазии, — этот лагерь был представлен самим Каррансой, другой лагерь — мелкой городской буржуазии, ранчеро, мелкобуржуазной интеллигенции. Этот лагерь возглавил Андрес Молина Энрикес, автор знаменитой в истории Мексики 27-й статьи конституции, и Франсиско Мугика — председатель конституционной комиссии.

Обсуждение проекта 27-й статьи — аграрной части конституции — приняло острый характер. В прениях выяснилось, что аграрная реформа не проводится, а расхищение земель продолжается.

Левые депутаты, стоявшие на позициях признания необходимости буржуазных преобразований в сельском хозяйстве, составили оппозицию умеренным либералам, возглавленным Каррансой. Депутат Наварра осудил карательную политику правительства по отношению к крестьянам⁸⁴. Депутат Бохоркес заявил: «Пока мы не разрешим аграрный вопрос — будет продолжаться гражданская война»⁸⁵.

Суровой критике со стороны левого крыла собрания подверглась работа национальной аграрной комиссии министерства земледелия и министерства финансов, ответственных за проведение аграрной реформы.

⁸² См. Papers Relating to the foreign Relations, p. 619. 1916.

⁸³ См. там же, стр. 621.

⁸⁴ Debates sobre el articulo 27 en el Congreso constituyente coleccion de Codigos y Leyes Federales. Codificacion Agraria, p. 441. Mexico. 1925.

⁸⁵ Там же, стр. 447.

Было ясно, что аграрный вопрос должен был найти своё отражение в основном законе. В ходе обсуждения 27-й статьи встал вопрос о правах на естественные богатства страны, её недра. Этот вопрос рассматривался как общенациональный, и автор 27-й статьи связал воедино разрешение аграрного вопроса с вопросом о суверенитете нации, о её исключительных правах на недра земли — достояние нации.

За нацией закреплялось неограниченное право собственности над всеми недрами и ресурсами страны. Были определены условия предоставления иностранцам прав на пользование национальными богатствами. «Государство, — говорилось в статье 27-й, — может предоставить это право иностранцам, как только они согласятся перед министерством иностранных дел рассматриваться как туземцы по отношению к указанным владениям и не обращаться за помощью к своим правительствам под угрозой наказания; в случае невыполнения соглашения они лишаются владений, которые переходят в собственность нации»⁸⁶. Устанавливалась полоса отчуждения на расстоянии 100 км от сухопутных границ и 50 км от побережья, в которой «иностранцы не могут приобретать непосредственно владений землями и водами»⁸⁷. Эта часть конституции стала оружием в руках мексиканского народа в борьбе с иностранным капиталом.

Конституция окончательно решила вопрос о праве церкви на владение собственностью. Одновременно с запрещением приобретать недвижимую собственность все имевшиеся в руках церкви владения передавались в собственность нации⁸⁸.

Статья 27-я определяла принципы и процедуру разрешения аграрного вопроса. Она установила необходимость возвращения отнятых у крестьян земель, восстановление эхидос, раздел латифундий. Она закрепила за деревнями право пользования общинными землями там, где они сохранились, где они «возвращены или возвращаются согласно закону от 6 января 1915 года»⁸⁹. Селения, хутора и общины, которым не хватало земли, получали право на земельную дотацию. С этой целью образовывался фонд за счёт государственных земель и за счёт изъятия их у крупных собственников, за счёт раздела латифундий.

Статья предписывала всем штатам издать законы о максимуме земельного владения. Излишек должен был быть пущен в продажу. «Если собственник отказывается произвести раздел, то он будет произведён местными властями посредством экспроприации»⁹⁰. Стоимость экспропрированного имущества оплачивается в течение 20 лет.

Статья заканчивалась объявлением пересмотра «всех контрактов и концессий, заключённых предыдущими правительствами начиная с 1876 года»⁹¹, т. е. с момента установления диктатуры Диаса.

27-я статья составляла основу конституции, провозглашённой 5 февраля 1917 года. Принятая ещё до февральской революции в России, это была самая радикальная в буржуазном мире конституция.

Она отразила два момента, характерные для мексиканской революции: её аграрное и антиимпериалистическое содержание.

Своеобразие конституции, принятой в Керетаро, заключается в том, что она была не закреплением уже достигнутого, а программой, которую надо было выполнять. Она была плодом буржуазно-демократической революции, но революции незаконченной, незавершённой. Так, 123-я статья устанавливала широкие демократические права для рабочего класса. Но это не означало, что он их уже имел.

⁸⁶ Artículo 27 de la Constitucion. Cinco Siglos, p. 307.

⁸⁷ Там же, стр. 308.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же, стр. 309.

⁹⁰ Там же, стр. 311.

⁹¹ Там же.

Конституция была встречена в штыки мексиканскими латифундистами и иностранными империалистами, что явилось лучшей оценкой её.

Оценивая реальные последствия мексиканского законодательства революционных лет, надо подчеркнуть, что ни закон 1915 г., ни 27-я статья конституции, ни конституция в целом не проводились в жизнь.

По данным сельскохозяйственного департамента Мексики⁹², на основании закона от 6 января за период с 1915 по 1918 г. крестьянам было возвращено 14 294 гектара земли. Землю получили только 16 156 человек при 10 млн. безземельных.

Всё дело заключалось в том, что проводить в жизнь аграрные реформы должны были сами помещики. Каррансисты использовали политическую власть, чтобы оградить права асьендадо. Аграрная реформа, проводимая правительством Каррансы, имела целью медленное, мучительное для крестьянства приспособление помещиков к капиталистическим методам ведения хозяйства.

Незадолго до своей гибели, в марте 1919 г., Сапата в открытом письме к Каррансе писал: «Народ обманут в своих надеждах. Эхидос не возвращены деревням, земли не даны пеонам, бедным крестьянам — тем, кто действительно в них нуждается»⁹³. Это был голос мексиканского крестьянства. Помещики постарались задуть его. 11 апреля 1919 г. Сапата был предательски убит. Позднее так же погиб Франсиско Вилья.

Борьба мексиканского народа за землю и свободу не закончилась. Он помнит своих вождей, погибших за землю и свободу. Завет Сапаты: «Es mas honroso morir de pie, que vivir derodillas!» — «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!» — стал достоянием революционных борцов во всём мире.

Главным содержанием революции 1910—1917 гг. в Мексике была борьба миллионов крестьян против помещиков, за уничтожение латифундий — самой крепкой опоры остатков крепостничества⁹⁴.

Но эта борьба не имела подлинного революционного руководства, которое могло бы обеспечить победу крестьянства. Мексиканская буржуазия была неспособна на решительную борьбу с феодальными пережитками. Это объясняется своеобразным характером её.

Значительная часть мексиканской буржуазии своими корнями была связана с феодальными и полуфеодальными помещиками. В процессе медленного, затруднённого засильем иностранного капитала развития капиталистических отношений многие помещики, особенно на севере страны, перестраивали своё хозяйство на капиталистический лад. Что касается другой части мексиканской буржуазии, то происходивший процесс расхищения земель захватили её. Капиталисты сами стали собственниками земель и участниками докапиталистических форм эксплуатации крестьян и в силу этого не могли решительно выступить против помещичьего землевладения. В ходе революции буржуазия выступила против крестьянской борьбы за землю. Она противопоставила революционному пути разрешения аграрного вопроса путь ограниченных аграрных реформ.

Не мог повести крестьянство на борьбу за революционное разрешение аграрного вопроса и мексиканский пролетариат. Он не осознал ещё себя как класс, не осознал своей руководящей роли, у него не было своей партии. В руководстве пролетариатом первенство принадлежало мелкобуржуазным вождям анархо-синдикалистского толка.

В революции крестьянство выступило самостоятельно, выдвинув свою программу, создав хорошо организованные армии. Во главе этих армий стояли такие талантливые военные руководители, как Вилья и Сапата.

⁹² Simpson E. Указ. соч., стр. 608.

⁹³ Там же, стр. 80.

⁹⁴ См. Ленин. Соч. Т. XI, стр. 348.

Но крестьянство, не руководимое рабочим классом, не могло довести борьбу до окончательной победы.

Революция началась в условиях крайнего обострения империалистических противоречий и продолжалась в обстановке империалистической войны 1914—1918 годов.

Мексика была объектом империалистической борьбы. Империализм душил её самостоятельное развитие. Поскольку революция происходила в зависимой от иностранного капитала стране, она не могла не быть антиимпериалистической. Борьба крестьян за землю слилась с борьбой всего народа за национальную независимость. «Мексиканская революция, начавшаяся революционной борьбой крестьян за землю против помещиков и церкви, в то же время в значительной степени приняла характер борьбы масс против американского и английского империализма»⁹⁵. Революция 1910—1917 гг. показала, что «крестьянство может добиться своего освобождения только под руководством пролетариата, а пролетариат может довести буржуазно-демократическую революцию до победы только в союзе с крестьянством»⁹⁶. Революция 1910—1917 гг. доказала, что необходимым условием национального развития Мексики является революционное разрешение аграрного вопроса. Только совместная борьба пролетариата и крестьянства, руководимая единственно революционной партией — коммунистической — может привести к разрешению аграрного вопроса и избавить Мексику, как и другие страны Латинской Америки, от кабальной зависимости от империализма США.

⁹⁵ Тезисы, резолюции, постановления, воззвания. Стенографический отчёт VI конгресса Коминтерна. Тезисы о революционном движении в колониальных и полуколониальных странах, стр. 125. 1929.

⁹⁶ Там же, стр. 139.